

Тая Дождливая

День, когда всё стало моим

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д61

Дождливая Т.

Д61 День, когда всё стало моим / Тая Дождливая. – М.: Литнет, 2026. – 178 с.

ISBN 978-5-521-99375-8

Ты можешь сбежать от семьи, но не от крови, что течет по твоим венам.

Восемь лет назад Барбара совершила побег. Она отреклась от странных ритуалов родителей, от их фанатичной веры и от бремени «Хранительницы», которое должно было лечь на ее плечи. Она выбрала нормальную жизнь, оставив мрачный семейный дом и его тайны в прошлом.

Но после таинственного исчезновения родителей ей приходится вернуться туда, где все началось. Барбара уверена: все ее детские страхи – лишь плод воображения, а «проклятие рода» – выдумка суеверных стариков. Она планирует просто продать старый дом и уехать навсегда.

Однако у дома свои планы. Тишина в пыльных комнатах обманчива, пространство искажается, превращая коридоры в лабиринты, а из стен доносится шепот, который невозможно заглушить. То, что Барбара считала сказками, оказывается пугающей реальностью. Древняя тьма проснулась, и она голодна.

Теперь Барбаре предстоит не просто уборка старых вещей, а смертельная схватка с сущностью, для которой она – не хозяйка, а долгожданная добыча. Хватит ли ей сил принять наследие, от которого она бежала всю жизнь, чтобы пережить эту ночь?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99375-8

© Литнет, 2026

© Дождливая Т., 2026

Пролог

Тишина в доме пахла воском и пылью. Лунные лучи, пробиваясь сквозь щели ставень, резали полумрак длинными бледными лезвиями, и в их мерцающем свете плясали мириады пылинок, словно пепел от сожженных молитв. Из-за двери спальни родителей доносился сдавленный, влажный кашель – каждый звук впивался в Барбару осколком льда, раня изнутри.

Она стояла перед зеркалом, и ее отражение казалось призраком из другого времени. Темные волосы выбивались из небрежного пучка, касаясь светлой кожи, на которой проступали капли холодного пота. Пальцы сами нашли старый, едва заметный шрам на локте – шершавый, как кора дерева. Воспоминание нахлынуло внезапно: падение с яблони, крепкие руки отца, запах лечебных трав и тихий голос матери: «Божья воля уберегла тебя, дитя. Она всегда оберегает верных».

«Верных». Слово обожгло, как удар плетью. Вся ее жизнь здесь была пропитана этим – шепотом молитв над утренней овсянкой, скрипом половиц в такт вечерним обрядам, тяжелыми взглядами соседей, видевших в ней не девочку, а наследницу. Завтрашний Ритуал Наследования висел в воздухе незримой петлей. Завтра ее кровь должна была стать чернилами для новой страницы в летописи их вечного долга – долга, который она не выбирала.

Она повернулась к кровати. Полупустой рюкзак лежал на одеяле, пахнущем лавандой и тоской. Она брала лишь необходимое: свернутые купюры, теплую кофту, потрепанную фотографию, где они все еще были просто семьей. В руках она сжала маленькую книжку в кожаном переплете – подарок на десятилетие. На первой странице застыли изящные буквы: «*Веруй и Храни*». Книга будто жгла ладонь. Она чуть не поддалась – не страху, а той пронзительной жалости, что сжимала горло. Но из-за стены снова донесся ка-

шель – уже не человеческий, а похожий на хрип разрываемой ткани. Звук агонии. Звук конца, который она не могла принять.

Решение текло холодной сталью в жилах. Она швырнула книгу в угол. Оно упало беззвучно, как падает перо с крыла мертвой птицы.

Она приоткрыла дверь своей комнаты, затаив дыхание. Скрип старого дерева прозвучал оглушительно в звенящей тишине. Барбара замерла, прислушиваясь. Из-за двери родительской спальни доносился ровный, тяжелый храп. Сердце сжалось от внезапной жалости, но она подавила это чувство, сделав шаг в коридор.

Каждая ступенька лестницы встречала ее тихим стоном, будто предупреждая, призывая остаться. Она ступала осторожно, прижимаясь к стене, где тени лежали гуще всего. Рука сама потянулась к знакомому выступу на перилах – тому самому, что она всегда трогала в детстве, убегая вниз к завтраку.

Парадная дверь была уже так близко. Рука сама потянулась к тяжелой железной задвижке, но что-то заставило ее обернуться. Взгляд упал на дверь в кладовку.

Лунный свет падал на нее наискосок, и сложный узор из царапин вокруг косяка казался живым – будто чьи-то невидимые пальцы только что вывели эти линии на дереве. На мгновение ей показалось, что глубокие борозды шевельнулись, сливаясь в новый, незнакомый знак. Что-то холодное и тяжелое повернулось у нее внутри. *«Игра света»*, – яростно отогнала она страх, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Суевериям больше не было места в ее новой жизни.

Она резко повернулась, с силой толкнула тяжелую дверь и выскользнула в ночь, не оглядываясь.

Лес поглотил ее сразу, как только скрип калитки затих за спиной. Это был не тот ухоженный, знакомый лес детства с тропинками к черничным полянам. Деревья здесь стояли тесно, их переплетенные ветви образовывали плотный, неровный навес, сквозь который лунный свет пробивался рваными, бледными лоскутами. Воздух пах влажной землей, прелой листвой и чем-то еще – холодным и металлическим, как запах старых монет или крови.

Барбара шла, не разбирая дороги, подчиняясь слепому инстинкту – подальше, только подальше. Колючие ветви цеплялись за ее кофту, царапали лицо, будто пытаясь удержать. Под ногами хрустели сучья, и каждый звук казался ей предательски громким в звенящей ночной тишине. Она оборачивалась, но сквозь чащу уже не было видно ни огонька дома, ни его темного силуэта. Только черная стена деревьев.

Физическое облегчение от побега быстро сменилось дрожью – от холода и нахлынувшей реакции. Ноги подкашивались. Она нашла полуразвалившееся бревно под большой елью, чьи корни, как каменные пальцы, впились в склон оврага, и опустилась на него, сжавшись в комок. Только теперь она позволила себе дрожать. В ушах все еще стоял тот влажный, раздражающий кашель. Перед глазами плыли образы: мать, поправляющая фитиль лампадки перед ликом святого с бесстрастными глазами; отец, молча вырезающий очередной знак на косяке двери, его пальцы, уверенные и быстрые.

«Я предательница», – прошептала она в ладони. Мысль была острой и ясной. Она не просто сбежала от Ритуала. Она сбежала от них. В ночь, когда мать угасала, а отец, сломленный годами молчаливого служения, пытался запечатать мир от чего-то, во что Барбара больше не могла верить. Она оставила их вдвоем с их верой, их долгом и той ужасающей тишиной, что стояла в доме и пахла воском и смертью.

Из кармана она вынула потрепанную фотографию. В тусклом свете луны, пробивавшемся сквозь хвою, можно было разглядеть улыбки. Она, лет семи, зажата между родителями на фоне цветущей яблони. Отец еще смотрел в кадр, а не сквозь него. Мать еще смеялась, а не шептала молитвы. Они еще были просто семьей. Барбара провела пальцем по гладкой поверхности, затем резко сунула снимок обратно в карман, будто обжегшись.

Спустя несколько минут, когда дрожь немного утихла, а сознание прояснилось, ее охватила новая, прагматичная тревога. Куда идти?

Денег мало. Документы при себе. Ближайший автобус ходил из поселка в десяти километрах, но только с шести утра. Ночь нужно было переждать здесь, в лесу, и добраться до трассы до рассвета, пока ее не хватились.

Она поднялась и, опираясь на стволы, двинулась вдоль оврага, надеясь выйти на старую лесовозную дорогу. Шаги стали осторожнее, уши ловили каждый шорох – шелест листьев под лапой какого-то зверька, далекий крик совы, собственное неровное дыхание. Но сквозь эти естественные звуки начал пробиваться другой. Сначала она приняла его за шум в собственной голове – от усталости и стресса. Тихий, едва различимый звон. Будто где-то очень далеко, на другом конце леса, ветер раскачивал тонкий стеклянный колокольчик.

Она замерла. Звон не прекращался. Он был монотонным, назойливым, и, прислушавшись, Барбара с ужасом поняла, что звук не доносится из одной точки. Он, казалось, окружал ее, шел со всех сторон, вибрируя в самом воздухе, в костях. Он был точь-в-точь как звон тех самых маленьких латунных колокольчиков, что висели над дверями в их доме. Колокольчиков-стражей.

«Воображение, – отрезала она себе мысленно, впиваясь ногтями в ладони. – Паника. Держись вместе».

Но тело отказывалось слушаться. Спину покрыл ледяной пот. Она ускорила шаг, почти побежала, спотыкаясь о корни, хватая ртом холодный воздух. Звон усиливался, превращаясь в тонкий, пронзительный гул, заполнявший все пространство. В ушах начало звенеть, и Барбара уже не могла понять, звук это снаружи или внутри.

И тогда она увидела свет. Не лунный. Тусклый, мерцающий, красноватый отблеск, пробивающийся сквозь деревья слева от нее. Инстинкт кричал бежать прочь, но ноги, словно против воли, понесли ее на этот свет. Это была не просто боязнь – это было тягучее, гипнотическое любопытство, смешанное с ужасом, чувство, которое она помнила с детства, когда кралась к запретной двери в кладовку.

Она вышла на небольшую поляну. В центре, у подножия огромного старого вяза, горел огонь. Но не костер. Пламя было странным – низким, почти плоским, будто стелилось по земле, и его цвет был не оранжево-желтым, а густо-багровым, как запекшаяся кровь. Оно не грело. От него, наоборот, веяло волной плотного, ледящего холода.

А вокруг огня, начертанные прямо на голой земле, светились те же самые знаки. Спирали, пересекающиеся линии, острые углы. Знаки с косяка кладовки. Знаки, которые отец вырезал по всему дому. Они пульсировали в такт мерцанию багрового пламени, будто дышали.

Барбара застыла на краю поляны, не в силах пошевелиться. Звон колокольчиков в ушах достиг пика и вдруг оборвался. Воцарилась абсолютная, давящая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием холодного огня.

И тогда из теней за стволом вяза вышла фигура.

Это не был человек. Очертания были смутными, плывущими, будто существо состояло из самой темноты и отблесков того багрового света. Оно не двигалось, а словно перетекало, не имея четких границ. У Барбары перехватило дыхание. Она хотела закричать, бежать, но ноги стали ватными, а горло сжалось.

Существо (если это можно было так назвать) медленно повернулось в ее сторону. У него не было лица, но она ощутила на себе тяжелый, изучающий взгляд, полный древнего, безразличного любопытства. Оно видело ее. Видело насквозь.

«Уйдите», – хотела прошептать она, но не издала ни звука.

Вместо ответа багровый огонь вспыхнул ярче, и знаки на земле засветились ослепительно. В ушах снова пронесся не звон, а голос. Не звук, а сама идея звука, вложенная прямо в сознание. Он был низким, многоголосым, как скрежет камней под землей, и состоял из одного слова, растянутого и бесконечно глубокого: «ВЕРНИСЬ...»

Слово ударило по ней физически, отбросив на шаг назад. В ту же секунду видение начало расплываться. Багровый свет погас, оставив

после себя лишь темное пятно опаленной земли. Фигура растворилась в тенях. На поляне снова был лишь обычный ночной лес, пронизанный бледным лунным светом.

Барбара стояла, трясаясь всем телом, не в силах осознать произошедшее. Галлюцинация? Срыв психики от стресса? Но запах гари и озона все еще висел в воздухе. А на внутренней стороне ладоней, куда она впивалась ногтями, отпечатались, будто выжженные, крошечные, едва заметные фрагменты тех самых спиралей.

Она больше не думала. Она развернулась и побежала. Слепо, отчаянно, не оглядываясь, сбиваясь с ног, падая и поднимаясь. Лес превратился в сплошную черную стену, преграждающую путь, но она ломилась сквозь нее, гонимая одним primal инстинктом, который теперь был сильнее голоса разума и чувства вины. Инстинктом выживания.

Она бежала до тех пор, пока в груди не начало резать, как от лезвий, а в висках не застучал молот. Пока не споткнулась о скрытый корень и не рухнула в мелкий, ледяной ручей на дне оврага. Холодная вода обожгла кожу, но и привела в чувство.

Она выползла на противоположный берег и, спрятавшись под нависающим пластом корней, свернулась калачиком. Дрожь была уже неконтролируемой. В голове гудело. Она смотрела в темноту леса, ожидая увидеть в ней вспышку багрового света или плывущую тень.

Но ничего не появлялось. Только тишина. Такая же густая и всепоглощающая, как в доме, но теперь несущая в себе новый, чудовищный смысл.

Она сбежала. Но теперь с ужасающей ясностью понимала – то, от чего она бежала, было не просто набором суеверий и семейным долгом. Оно было реальным. И оно ее не отпускало. Звон колокольчиков, знаки, голос в голове – это было не прощание. Это был призыв. Или приказ.

Рассвет был еще далеко. Барбара прижалась лбом к холодной, влажной земле, зажмурилась, пытаясь загнать обратно крик, кото-

рый рвался из горла. Она была на свободе. Но чувство, сжимавшее сердце ледяной рукой, говорило об обратном. Побег только начинался. И самым страшным в нем было осознание, что настоящие стены – не из дерева и камня. Они были из чего-то иного. И они простирались гораздо дальше, чем она могла себе представить.

Глава 1. Солнечная пыль

Позднее утро вливалось в гостиную сквозь плотные кружевные занавески, чьи выцветшие розы казались призраками давно ушедших лет. Солнечные лучи были не просто золотистыми – они висели в воздухе густыми, почти осязаемыми потоками, похожими на растопленный мёд, медленно стекающий с невидимых ложек. Каждый луч становился сценой для бесчисленных пылинок, заставляя их кружиться в необычном танце, подобно мириадам микроскопических фей, встретивших рассвет в пыльном храме забвения.

Дом пробуждался с тихим, размеренным дыханием. Где-то в глубинах его конструкции успокаивающе потрескивала старая древесина, словно старик, потягивающийся после долгого сна. Снаружи доносился отдалённый, монотонный гул газонокосилки с соседнего участка, сливающийся с щебетом птиц, устраивающих утренний совет за окном. Эти звуки создавали мягкий акустический ковёр, на котором покоилась тишина самого дома.

Девушка стояла посреди комнаты. Босые ноги чувствовали прохладу гладкого дубового пола. Она вдыхала воздух, напоённый сложной симфонией запахов: сладковатым ароматом яблок из вазы на кухне, смешанным с терпкими нотами старого дерева и воска, которым когда-то натирали мебель. Пахло детством. Пахло миром.

«Пока что», – промелькнуло у неё в голове, и это слово повисло в воздухе, как та самая пылинка, пойманная в солнечный луч. Хрупкое. Временное.

Она провела ладонью по спинке кресла-качалки, стоявшего у окна. Пальцы запомнили шершавость ткани, прохладу деревянных ручек. Это кресло помнило отца, его неторопливое покачивание, тихий скрип, под который она засыпала. Сейчас оно стояло неподвижно, застывшее в ожидании. Как и весь дом. В ожидании её возвращения. В ожидании чего-то ещё.